

ГАК В. Г.

К ЭВОЛЮЦИИ СПОСОБОВ РЕЧЕВОЙ НОМИНАЦИИ

Основным элементом исторического развития языка является изменение отношения номинации, т. е. соотношения между языковой формой и обозначаемым ею элементом внеязыковой действительности. Приспособление нового языкового средства для обозначения известной реалии или данного языкового средства для обозначения иной реалии или, наконец, появление нового слова для обозначения новой реалии ведет к появлению новых слов (или других единиц языка) либо к изменению значений этих единиц. В речи говорящие постоянно производят выбор между средствами выражения, предоставляемыми им системой языка. Этот выбор подчиняется в известной мере определенным закономерностям, в нем проявляются определенные тенденции. Тенденции эти касаются как элементов внеязыковой действительности, отбираемых говорящими при обозначении предметов и ситуаций, так и способов обозначения этих элементов. Совокупность тенденций в использовании языковых средств, иными словами, определенных типов номинации в речи составляет узус (или норму речи, которую следует отличать от нормы языка). Таким образом, наряду с системой/структурой и нормой языка узус является одним из уровней языковой реализации. Система отражает реализацию общечеловеческих языковых возможностей в организации данного языка. Между элементами системы можно сделать выбор, который всегда будет значим. Норма языка касается конкретной формы реализации системных противопоставлений, она не предполагает выбора (за исключением отдельных случаев колебаний нормы). Узус (норма речи) есть реализация в речи форм, предоставляемых системой и нормой, он вариативен, допускает выбор, который, однако, незначим, поскольку конкурирующие формы выступают в данном употреблении как синонимы. Узус отражает специфику языка не в плане его внутреннего устройства (как система и норма), но в аспекте его функционирования¹.

Узус является важной типологической чертой языка. Он находится в диалектическом соотношении с системой. С одной стороны, между узусом и системой нет отношений жесткой зависимости: одна и та же языковая система может реализовываться в разных узусах, с чем связано формирование функционально-стилевых и национальных вариантов языка. С другой стороны, в закономерностях реализации проявляются многие глубинные свойства языка, что становится особенно очевидным при сопоставлении узусов разных языков. Узус — наиболее динамичный и проницаемый аспект языка, изменения в нем, закрепляясь, превращаются в изменения системы (нормы). В связи с этим представляет несомненный интерес изучение изменений узуса или, иначе говоря, средств речевой номинации, в историческом плане. Данные такого анализа могут представить интерес не только для исторической стилистики, но и для выявления некоторых существенных тенденций в развитии языка. Две эпохи развития языка, разделенные достаточно большим промежуток времени, можно сопоставлять как два разных языковых образования, характеризующиеся каждое своей системой и закономерностями реализации этой системы в речи.

¹ Понятие нормы речи, или узуса, следовательно, близко к тому, что некоторые лингвисты называли «грамматикой речи» или «общей речью» (Ф. Росси-Ланди). Показательно, что Э. Косериу, различая вначале понятие «система — норма — речь», в дальнейшем пришел к необходимости различать еще один уровень реализации, находящийся между языковой нормой и индивидуальной речью [1—3].

Основным методом сопоставительного анализа на уровне речевой реализации является сравнение средств выражения двух языковых образований, используемых в одной и той же ситуации, для выражения одного и того же смыслового задания. Это лучше всего достигается анализом речи билингвов или носителей разных языков в однотипных ситуациях. Однако, если нет возможности обращаться в живой речи, то надежным способом сопоставления языков в аспекте речи может быть сравнение переводов². Разумеется, в переводах мы сталкиваемся с различиями, обусловленными не только объективными расхождениями структуры, нормы и узуса, но и конкретными переводческими решениями. В связи с этим при сопоставительном анализе текстов большое значение приобретает количественный анализ, фиксация частотности наблюдаемого соотношения, что позволяет отделить случайное (переводческое) от закономерного (межъязыкового)³. В данной статье мы изложим свои наблюдения над сопоставлением древнерусских текстов и их переводов на современный русский язык, выявляющие некоторые заслуживающие внимания тенденции в эволюции средств речевой номинации в истории русского языка. В качестве объекта исследования использованы тексты и переводы, опубликованные в сборнике древнерусской литературы [8; далее сокращенно — И.] и в пособии [9; далее сокращенно — К.]. В примерах сохраняется орфография этих публикаций. Предметом анализа были произведения XI—XIII вв. «Повесть временных лет», «Житие Феодосия», «Поучение Владимира Мономаха» и др.

Для более ясного представления того, о чем будет идти речь, обратимся к примеру из сопоставления французского и русского языков. В повести П. Мериме «Кармен» фраза *Nous fîmes un bon repas* (букв. «Мы сделали хорошую еду») переведена М. Лозинским на русский язык *Мы плотно пообедали*. Фразы функционально эквивалентны, они описывают одну и ту же ситуацию, включающую три основных компонента: субъект действия, действие и характеристику действия, которые, однако, обозначены в двух языках различно. В русском тексте действие выражено одним глаголом, во французском — аналитическим сочетанием «глагол — имя», которое и обозначает действие, выступая как семантико-функциональный эквивалент русского глагола. Характеристика действия соответственно обозначена по-русски наречием, по-французски — прилагательным. Говорящий по-французски использовал здесь аналитическую структуру, говорящий по-русски — синтетическую, в русском тексте части речи использованы в их первичных функциях (глагол обозначает действие, наречие — квалификацию действия), тогда как во французском — во вторичных косвенных употреблении (действие обозначается именем, его качество — прилагательным).

Грамматические расхождения сопровождаются лексико-семантическими. Во французской фразе для обозначения принятия пищи употреблен гипероним *repas*, обозначающий это действие независимо от времени дня, в русской — более специализированная номинация (гипоним), указывающая на принятие пищи в определенный период (обед). Соответственно и прилагательное *bon* (букв. «хороший») имеет более широкий круг сочетаемости при обозначении положительной оценки, чем русское наречие *плотно*. Эти расхождения не всегда определяются непосредственно структурой языка (по-французски тоже можно было бы сказать *dîner* «пообеждать», по-русски, напротив, *хорошо поест*). Даже сравнение одного предложения показывает расхождения в использовании типов номинаций: аналитических/синтаксических обозначений; гиперонимических/гипонимических обозначений; использование частей речи в прямой/переносной

² Переводы как основа анализа для сопоставления речевого узуса французского и русского языков использованы нами в работах [4—6], старофранцузского и современного французского языка в [7, с. 193—219].

³ Следует подчеркнуть, что речь идет о сравнении переводов для выявления норм речевой реализации и выбора средств номинации в речи. Переводы отдельных фраз и отрывков текста часто используются в типологических и исторических работах для иллюстрации структурных сложений и расхождений между языками.

функции. Если такие расхождения не случайны, если они достаточно частотны, подтверждаются многими примерами, то мы можем говорить о специфических тенденциях в использовании номинаций в двух языках (подчеркнем, что тенденция отнюдь не означает обязательность, но лишь большую относительную частоту).

Ниже мы рассмотрим следующие типы номинаций при обозначении отдельных объектов или ситуаций: а) выбор между гиперонимами и гипонимами (объем значения слова); б) использование косвенных (переносных) лексических номинаций; в) использование слов разных частей речи при обозначении одних и тех же номинатов и в связи с этим аналитических/синтетических номинаций; г) ориентация высказывания, диатеза (актив/пассив и параллельные явления)⁴; д) формы связи между номинациями (паратаксис и гипотаксис); е) формы замещения номинаций (местоименная репрезентация). Все эти явления представляют собой существенные аспекты грамматики высказывания и структуры текста.

Объем значения слова. При обозначении одного и того же объекта в тексте может быть употреблен, как отмечалось выше, термин более широкого значения (гипероним) или более узкого (гипоним). Соотношение между гиперонимами и гипонимами в тексте — одна из его существенных типологических особенностей. Исследователи французского языка, например, не раз отмечали склонность этого языка использовать гиперонимию в тех случаях, где другие языки пользуются для номинации словами более узкого значения. Рассмотрим использование родовых и видовых терминов в древнерусском и современном тексте в ряде употребительных семантических групп.

Глаголы движения. Древнерусский глагол *ити* имел широкое значение: он обозначал перемещение в пространстве в общем виде. Значение «передвигаться, переступая ногами», свое первое значение в современном языке, он приобрел позднее. Он был, следовательно, аналогом современных глаголов *двигаться, направляться*, что подтверждается текстами: *Пойти в Римь* (И., 30) «Отправиться в Рим»; *И иде въ Варяги* (И., 30) «И направился у Варягам». Поскольку древнерусский глагол *ити*, в отличие от современного *идти*, представлял собой гипероним, в данных примерах мы имеем соответствие объема номинаций. Однако нередко *ити* соответствует современным глаголам-гипонимам, дифференцирующим способ передвижения: *ехать, плыть, даже ползти*, хотя соответствующие глаголы существовали и в древнерусском языке (следовательно, эти расхождения — не структурные, но функциональные): *И прииде на мѣсто ...и ссѣде с коня* (И., 38) «И, приехал на то место, ...слез с коня» (ситуация четко указывает, что Олег ехал верхом, а не шел пешком); *И по тому морю ити до Рима, а от Рима ...прити ...ко Царюгороду* (И., 30) «И по тому морю можно плыть до Рима, а от Рима... приплыть к Царьграду»; *Ити по Волзѣ* (И., 30) «Плыть по Волге»; *И идуче мимо* (И., 34) «И когда плыли мимо». В «Александрии» читаем: *Възведъ же ся змии, около всѣхъ ходивъ, възиде на лоно Алумпиадѣ и облобыза ю* (И., 244), что переведено: «И поднялся дракон, и прополз сквозь толпу, и вполз на колени к Олимпиаде и поцеловал ее».

Значение «идти пешком» (поскольку *ити* часто использовалось для обозначения движения независимо от способов передвижения) выражалось нередко глаголами от основы *лезть* (особенно когда имелось в виду передвижение с преодолением препятствия или при неудобстве пути): *Сълѣзъ съ горы сея* (И., 30) «И сошел с горы той»; *вѣлѣша деревляне* (И., 42) «Вовели в нее древляне (в баню)»; *И не бѣ лѣзѣ изъ града вылѣсти* (И., 48) «И нельзя было... выйти из города».

Глаголы говорения. В древнерусском тексте прямая речь часто вводится глаголом *речи*, обозначающим речевую деятельность в самой общей форме; ему в современном тексте соответствуют не только гипероним *сказал*, но и гипонимы, дифференцирующие направленность ре-

⁴ Рассмотрение ориентации высказывания обосновывается тем, что под номинацией понимается обозначение не только отдельного объекта, но и ситуации (событийная номинация).

чи (обратился, спросил, ответил и т. п.), либо ее содержание (рассказал). Вот некоторые из многих примеров: И рече един отрок: „Аз преиду“. И реша: „Иди“. (К., 115). «И сказал один юноша: „Я проберусь“, и ответили ему: „Иди“; И рече имъ „Дивно видѣхъ Словенскую землю“ (И., 30) «И рассказал: „Удивительное видел я в Славянской земле“».

Глаголы бытия. В этой группе гиперонимом является глагол *быть*, гипонимами — глаголы, обозначающие формы бытия определенных субъектов (*жить* о людях, *расти* о растениях, *водиться* о животных, *стоять* о сооружениях и т. д.), либо глаголы, показывающие различные фазы бытия (*наступить*, *становиться*, *сохраняться* и т. п.). В древнерусском тексте *быти* употребляется значительно чаще, чем современное *быть*, ему в переводах нередко соответствуют гипонимы обоих разрядов: а) специфические глаголы бытия: И видѣ ту люди *сущая* (И., 30) «Увидел живущих там людей»; Идѣ же *есть* дворъ демьстиковъ (И., 40) «Где стоит сейчас двор уставщика»; *Пребы* нѣколько лѣтъ (И., 38) «Прожил несколько лет»; *Бѣ* тогда царь Костянтинъ (И., 46) «И царствовал тогда цесарь Константин»; Также и прочии вои его вси *бяху* (К., 114) «Так вели себя в походах и все его воины»; *Блше* чересь гроблю мост (М., 56) «А через ров... был перекинут мост». В современном языке во многих из этих примеров грамматически правильно было бы употребление и глагола *быть*: *был* тогда царем Константин, *через ров был* мост и т. п., но это, по-видимому, меньше соответствует нормам словоупотребления современного языка, который предпочитает здесь использовать гипонимы; б) фазисные глаголы: Приде Киеву... и *бысть* мир (И., 50) «Вернулся в Киев... и наступил мир»; Иде же послѣ же *бысть* Киевъ (И., 30) «Где после возник Киев»; И о томъ *бысть* межю ими ненависть (И., 56) «И поднялась оттого ненависть между ними»; И *суть* становища еѣ (К., 48) «И сохранились места ее»; И *суть* гради их и до сего дне (К., 46) «И сохранились города их и донныне». Замена *быть* другими глаголами связана с видо-временными реорганизациями в системе русского глагола: в связи с тем, что *быть* не получил форм совершенного вида, значение возникновения передается иными лексемами (*возникнуть*, *наступить*, *подняться* в переносном использовании), значение завершенной длительности — глаголом *сохраниться*; в современном языке эти значения могут выражаться и специфическими глаголами бытия (*и стоят города их поныне; где после был построен Киев*).

Глаголы созидания. В этой группе гиперонимом является глагол *делать* (др.-русс. *творити*), гипонимами — разнообразные специфические глаголы, выбираемые в зависимости от природы объекта и характера самого действия (ср.: *вить гнездо*, *печь пироги*, *строить дом*, *устраивать собрание* и т. п.). Глагол *творити* обнаруживает широкую сочетаемость (в ряде контекстов ему не может соответствовать современное *делать*), его аналогами в современных переводах выступают либо глаголы с более ограниченной сочетаемостью, либо глаголы, конкретизирующие способ создания объекта, так что и в данном случае имеет место переход от гиперонима к гипониму: И *створиша* град во имя брата своего старейшаго (К., 43) «И построили городок во имя старшего своего брата»; И по семь *творяху* краду велику (К., 47) «А затем разводили большой костер»; И да *творять* им мовь (К., 106) «И пусть устраивают им баню»; Мир *сотвориста* (К., 107) «Заключили мир» (К., 107); Трызну *творити* (К., 111) «Совершить тризну»; И ина много зла *творяху* (К. 105) «И много другого зла причинили».

Приведенные факты позволяют сделать вывод, что нередко при переходе от древнерусского текста к современному имеет место сужение объема значения испылуемого при номинации слова. В истории языкознания высказывались различные мнения относительно развития абстрактности (гиперонимичности) и конкретности (специализации значения) в языке. Одни лингвисты полагают, что первоначально в языках фиксируются синкретичные, недифференцированные понятия, так что совершенствование языка идет по линии дифференциации и специализации выражаемых понятий. Другие, напротив, считают, что создание широких родовых значений — результат более позднего развития языка. В современных язы-

ках гиперонимы и гипонимы используются стилистически. В разговорной, ситуативно обусловленной речи часты случаи использования гиперонимов вместо гипонимов. Художественная выразительность создается нередко именно за счет гипонимов, употребления слов более конкретного значения: в научно-технической лексике наряду с гипонимами образуются и гиперонимы (именно обозначения обобщающих понятий нередко недостает в терминсистемах). Изложенные наблюдения показывают, что употребление одного типа номинации вместо другого нельзя считать мерилем развития языка: языковая эволюция может идти и в направлении от использования гиперонимических номинаций к специализированным.

Глаголы получения и обладания. Функционирование этих глаголов заслуживает особого рассмотрения. Обращает на себя внимание чрезвычайная употребительность в древних текстах глагола *имати*, который обладал широким диапазоном значений; он обозначал и «брать», и «хватать»: *Поималъ* еси всю дань (И., 40) «Забрал уже всю дань»; *Си имуть имати* дань (И., 40) «Станут они собирать дань и с нас»; *Оружье емлетъ* (И., 54) «Оружие берет»; И повелѣ Ольга всемъ своимъ *имоти а* (И., 44) «И приказала Ольга воинам своим хватать их»; *Имаху плѣнники* (И., 36) «Кого захватили в плен». Глагол *имѣти* выражал обладание, принадлежность, в современных текстах ему соответствует *иметь*, но нередко и *быть*: А главы не *имѣтъ* (К., 228) «А головы не имеет»; Ни шатра *имяше* (К., 114) «Не было у него и шатра». В обследованных текстах *имѣти* употребляется чаще в переносных значениях, когда его дополнением является существительное, обозначающее не физический предмет, но отвлеченное понятие (такое использование *иметь* более частотно и в современном русском языке): Мир *имеа* ко всемъ странамъ (К., 107) «Мир имея со всеми странами». И все же в переводах древнерусскому *имѣть* часто соответствуют иные глаголы: *Имяше* власть свою в Полоцьскѣ (И., 58) «Держал власть свою в Полоцке»; *Имѣти* тя хочю во отца мѣсто (И., 58) «Буду почитать тебя как отца»; Мертвыи бо срама не *имамъ*. Аще ли побѣгнемъ, срамъ *имамъ* (И., 52) «Ибо мертвые не знают позора. Если побегим, позор нам будет». В сочетании с инфинитивом глагол *имать* (*имѣть*) выступал как служебный глагол, выражавший целую гамму значений: от будущего времени до различных модальных оттенков (долженствование, вероятность) [10]. В последнем случае он типологически напоминает глагол «иметь» в современных западноевропейских языках (ср. англ. *to have to*, франц. *avoir à*, исп. *tener que*). Современному русскому языку такое использование *иметь* почти не свойственно. Вот один из многих примеров такого рода: Аще не подступите заутра, предатися *имамы* печенегомъ (К., 49) «Если не подступите утром, то вынуждены сдать ся печенегам». Вспомогательным глаголом, образующим сложное будущее время, теперь является только *быть*, тогда как в древнерусском и *иметь*.

Итак, можно сделать вывод, что в древнерусском языке глагол *иметь* обладал значительно большей употребительностью, чем в современном языке, уступив свои некоторые функции глаголу *быть*. Это существенное типологическое явление. Глаголы *быть* и *иметь* определяются как два основных типа структуры узла глагольного предложения. По выражению Бенвениста, в семантико-синтаксическом плане *быть* — это перевернутый глагол *иметь* [11]. *Иметь* позволяет использовать прямопереходную конструкцию, в которой субъект обладания оформлен как подлежащее, а объект как дополнение. Конструкция с *быть* является непереходной, субъект обладания в ней представлен в форме дополнения, объект — в виде подлежащего. При прямом порядке слов обе конструкции различаются актуальным членением [12, с. 66], но при выражении одного и того же коммуникативного задания конструкция с *быть* требует инверсии подлежащего, что часто имеет место в русском тексте. В целом конструкция с *иметь* более свойственна западноевропейским языкам (ср. англ. *I have*, нем. *ich habe*, франц. *j'ai*, исп. *tengo*), с *быть* — русскому (*У меня есть ...*). В индоевропейских языках Европы употребительность *иметь* нарастает по мере движения с востока на запад. Наименее употребителен *иметь* при выражении реальной принадлежности и в служеб-

ной функции в русском языке, уже в украинском и польском его роль заметно возрастает. Еще более употребителен этот глагол в румынском языке [13], далее в языках германской группы, особенно в английском. Но наиболее широко он используется в западнороманских языках, причем в иберийских, пожалуй, еще шире, чем во французском и итальянском. Так, если в двух последних сложные формы глагола могут строиться в ряде случаев с вспомогательным *быть* (франц. *je suis venu*, итал. *sono venuto*), то в испанском и португальском — только с *иметь*. Если локализация в английском или итальянском языках выражается оборотами, восходящими к глаголу *быть* (*there is, c'è*), то во французском и испанском — оборотами, восходящими к *иметь* (*il y a, hay*). Различие европейских языков в использовании *быть* и *иметь* некоторые языковеды объясняли в терминах языкового прогресса [14, с. 175—198; 15, с. 5; 16, с. 75]. В свое время А. Мейе отметил, что глагол *иметь* в индоевропейских языках образовался позднее, чем *быть*, когда уже возникла идея собственности. До того времени принадлежность выражалась конструкциями с *быть*. Постепенно обороты с *быть* уступили место глаголу *иметь* (ср. лат. *mihi est* → *habeo*), а преобладание *быть* в русском языке (*habeo* = *у меня есть*) интерпретировалось как сохранение более архаичной формы в этом языке. Это вполне сочеталось с общим взглядом А. Мейе на славянские языки как на языки, обладающие «своеобразно архаическим обликом» [17, с. 101, 104, 424]. Сопоставление древнерусских текстов с современными не подтверждает гипотезы А. Мейе и не позволяет видеть в употребительности *быть* вместо *иметь* для выражения обладания и других значений сохранение элементов более архаичного состояния языка. Мы видим, что использование *иметь* не увеличивается, но сокращается по мере развития русского литературного языка⁵. В ряде случаев *быть* вытеснило *иметь*, а не наоборот. Эволюция языка, в частности, в сфере реализации, может идти не только по линии *быть* → *иметь* (как в латинском языке), но и по линии *иметь* → *быть* (как в русском). Причины преобладания *быть* в русском языке надо видеть в действии иных факторов⁶.

Использование косвенных (переносных) номинаций. Использование метафорических и особенно метонимических обозначений — одна из типологических характеристик текста, различающая не только тексты разных функциональных стилей, но и тексты разных языков. В исследованном материале встретилось немало случаев изменения образа при переходе от древнего текста к его современному переводу. В древнем тексте свойства, качества, отношение, действие, по видимому, чаще обозначаются через наименование определенной части тела, метонимически, чем в современном языке: *Азъ буду тобѣ в сердце* (И., 58) «Буду с тобой в любви»; *Держал бых его против сердца своего* (К., 150) «Был бы он для меня самым дорогим»; *А князя их яша рукама* (К., 119) «Князя же их схватили»; *Мышца* (И., 148) «Сила»; *Сѣмя его* (И., 148) «Потомки его». Действие или состояние изображаются через обозначение соответствующего орудия или средства: *Взя градъ копьемъ* (И., 52) «Взял город приступом»; *Изнемогаху людье водою* (И., 48) «Изнемогали люди от жажды». Даже в выражении: *подразити нози мои* (И., 226) «поставьте мне подножку» указание на часть тела более явно в древнем тексте, чем в современном. Приведенные примеры (а их без труда можно умножить) свидетельствуют о большей тяге древнего языка к метонимическим или синекдохическим обозначениям. Конечно, в этом можно видеть известное влияние библейского стиля или древнегреческой риторики. Употребление слова *семя* для обозначения потомства обычно в тексте священного писания. Выражение Владимира Мономаха *И устнѣ мои похвалята тя* (И., 148) «И уста мои да восхвалят тебя» (= *тебя похваляю*) напо-

⁵ Исследователи, в частности, отмечают, что с развитием русского языка вышли из употребления многие выражения с *иметь*, существовавшие ранее [18, с. 116].

⁶ Одно из объяснений этого феномена — отдаленное влияние угро-финского субстрата (или адстрата), но и оно не является убедительным. Сокращение употребительности *иметь* связано с преобразованиями в глагольной системе и в синтаксисе русского языка.

минает о первой строке «Песни песней» (*Пусть уста его меня поцелуют* = *Пусть он меня поцелует*), где также часть тела изображается как бы действующей независимо от субъекта. Некоторые ученые в подобных метонимических обозначениях склонны видеть и проявление «первобытного» синкретического мышления. Но несомненно, что нельзя это явление объяснять только иноязычным влиянием или «палеонтологией речи»: обозначение чувств и действий через часть тела, с которой они ассоциируются, — обычное явление в языках, и расхождения здесь могут иметь лишь количественный характер (например, в современном французском языке метонимия и синекдоха в обыденной речи — даже вне художественного задания — используются несколько чаще, чем в русском) и конкретно качественный (одни номинации вышли из употребления, иные включились в язык).

Фиксация в наименовании разных сторон именованного объекта. Разные языки при номинации фиксируют разные признаки и свойства объекта, о котором идет речь, и через эти выделяемые признаки объект может получать различные наименования. Так, движение может быть обозначено по способу передвижения (*бежать сюда*), направлению движения (*приближаться*) или по обоим признакам сразу (*подбегать*). Рассмотрим выражение различных способов действия на примере глагольных приставок, характеризующих действие. Сопоставление текстов выявляет три вида расхождений: а) общий префикс при разных основах; б) разные префиксы при общей основе; в) отсутствие префикса при его наличии в одном из сопоставляемых текстов.

Общий префикс при разных основах свидетельствует о сохранении собственной семантики преверба. С аналогичным явлением мы встречаемся и в современном разговорном языке, когда префикс оказывается семантически более полноценным, чем корень, который может заменяться при создании синонимических обозначений. Ср.: *убежать* — *удрать* — *улететь* (последний корень существует только в этом глаголе). Примеры на сохранение префикса: *Примышляше* (И., 40) «*Прибавил*»; *Прирече* 10 тысячъ (И., 52) «*Прибавил* 10 тысячъ»; *Пристройте* меды многи (И., 42) «*Приготовьте* меды многие»; *Отпадутъ* от мыслей своихъ (И., 50) «*Откажутся* от мыслей своихъ»; И *оступиша* печенѣзи градъ в силѣ велицѣ (И., 48) «*Осадили* печенеги город силою великою»; Рѣчки ради, яже *втечетъ* в Двину (И., 28) «По речке, которая *впадает* в Двину»; *Свергъ* порты (И., 50) «*Скинув* одежду»; *Переключала* мя еси, Ольга (И., 48) «*Перехитрила* ты меня, Ольга»; И *выныкнуши* зима изо лба, и *уклюну* в ногу (И., 38) «И *выползла* из черепа змея и *ужалила* его в ногу». Большую семантическую самостоятельность проявляет преверб *съ-* (со-), обозначающий объединение: *Сздумаеши* (И., 32) «*Посоветовавшись*»; *Сънемѣшася* объма полкома (И., 42) «*Сошлись* оба войска»; *Съсступишася* битися (И., 48) «*Сошлись* биться»; *Сдумаеши* (И., 40) «*Держали совет*».

В отдельных случаях расхождение префиксов может объясняться различной интерпретацией действительности либо различием реалий. Ср.: *Съсуги* могилу (И., 42) и *Насыпать* могилу. Префикс *съ-* подчеркивает, что в древние времена могильный курган сооружали, ссыпая в одно место землю, сгребая ее. Глагол *насыпать* показывает, что землю сыплют сверху. Покидая какое-либо место, субъект начинает движение. Поэтому при обозначении движения прочь можно указать либо на удаление, либо на начало самого движения: ср. современное разговорное *Я пошел* в значении «Я ухожу». Нередко древнерусским глаголом с превербом *по-* соответствуют в современном тексте глаголы с приставками *вы-*, *у-*, обозначающие удаление: Из него же озера *потечетъ* Волховъ («И., 28) Из этого озера *вытекает* Волхов»; И смирившихся с вами *пойду* опять (И., 44) «Заклучив с вами мир, *уйду* прочь». Можно сделать вывод, что в древнем языке аспект «удаление» формально выражался менее обязательно, чем в современном языке. Приставки *от-* и *у-*, выражающие это значение, нередко отсутствуют в древнерусском тексте: *Несоша* на гору (И., 36) «*Отнесли* на гору»; *Несоша* козари (И., 32) «И *отнесли* их хозары»; *Пусти* дружину свою домови (И., 40) «*Отпустил* дружину свою домой»; Камо хочеши отъ мене *ити*? (И., 50) «Куда хочешь *уйти* от меня?».

С другой стороны, в древнерусском тексте чаще фиксируется аспект «движение вверх», вследствие чего наблюдается «избыточное» по сравнению с переводом употребление префиксов *въ-* и *въз-*, обозначающих это направление действия. Например: Вборзѣ *всѣде* на конѣ (И., 50) «[Святослав с дружиною] быстро *сел* на коней»; И повелѣ Олгѣ воемъ своимъ колеса издѣлати и *воставляти* на колеса корабля (И., 36) «И повелел Олег своим воинам сделать колеса и *поставить* на них корабли». Префикс *въс-*, заимствованный из старославянского, чаще, чем ныне, выражал начало действия, интенсивность и другие оттенки, передаваемые в современном языке другими префиксами: *Взтрубили* вельми (И., 50) «Громко *затрубили*»; И *взтужиша* людье въ градѣ (И., 48) «И *стали тужить* люди в городе»; *Взгорѣшася* (И., 44) «*Загорелись*»; *Восхищя* и грабя (И., 40) «*Расхищя* и грабя». Другим, относительно более употребительным превербом в старых текстах является *из-*. Он обозначает действие, направленное изнутри наружу (сейчас в этом значении чаще используется префикс *вы-*): Онъже *изиде* изъ града (И., 48) «Он же *вышел* из города»; *Ископати* яму (И., 42) «*Выкопать* яму»; удаление: *Испросистася* (И., 34) «*Отпросились* они»; завершенность действия: *Измывшеся* (И., 42) «*Вымывшись*»; *Изгибоша* (И., 44) «*Сгнули*»; *Изби* (И., 44) «*Убила*».

Отсутствие преверба в древнем тексте при его наличии в современном во многих случаях связано с выражением вида. В древнерусском языке не было категории вида, подобной современной, и превербы играли в нем преимущественно семантическую роль. В современном языке они облечены нередко грамматическим значением, выражая совершенный вид. Поэтому они появляются в переводе там, где их не было в подлиннике. Например: *Зимова* (И., 52) «*Перезимовал*»; И копьѣ *летѣ* сквозѣ уши коневѣ (И., 44) «И копьѣ *пролетело* между ушей коня». Завершенность действия, его ограниченность во времени выражены в древнерусском формой времени — аористом, в современном языке совершенным видом, который маркируется префиксом *пере-*, *про-*. Особенно часто отсутствие превербов у глаголов восприятия: *Видѣше* же печенѣзи (И., 50) «*Увидев* это, печенеги»; *Ни вижю* его боле того (И., 38) «Не *увидю* его больше»; Ти, *слышаще*, дивляхуся (И., 40) «Те, *услышав* об этом, удивлялись».

Из сказанного можно сделать вывод, что если такие аспекты действительности, как движение действия изнутри наружу, либо снизу вверх или сверху вниз, более последовательно отмечались в древнерусском тексте, то удаление выражается более последовательно в современном языке. Не выражаемые эксплицитно аспекты реальности подсказываются ситуацией.

Морфологическая форма номинации. Одна и та же семантема в речи может быть представлена словами, относящимися к различным частям речи (ср.: *храбрый, храбро, храбрость, храбриться*), так что одно и то же явление действительности может быть в контексте обозначено словами разных частей речи. Даже при наличии одинакового инвентаря частей речи последние могут использоваться по-разному. Поэтому употребительность частей речи как средства номинации оказывается важной типологической особенностью текстов, языковой реализации. Особенно важно в этом плане соотношение между двумя основными классами слов: именем и глаголом. В истории языкознания не раз высказывалось мнение, что развитие языка связано с номинализацияй, распространением существительного как основного номинативного средства. В этом видят проявление развития абстрактного мышления человека, отражение прогресса культуры (номинализация свойственна, например, научно-техническому стилю). Существуют три основные формы номинализации: 1) неполная номинализация — замена личной формы глагола неличными, промежуточными, сочетающими в себе признаки глагола и имени: инфинитивом, причастиями (деепричастие тоже менее «глагольно», чем личная форма). Степень девербализации можно представить в виде следующей шкалы: «личная форма глагола — деепричастие — причастие и инфинитив — отглагольное существительное» (*говорит — говоря — говорящий, говорить — говорение*); 2) полная синтетическая номинализа-

ция — замена личной формы отглагольным существительным (после того, как он ушел — после его ухода); 3) полная аналитическая номинализация, при которой глаголу соответствует сочетание с существительным (победить — одержать победу). Такие сочетания нередко рассматриваются как показатель развитости языка, которую связывают иногда с переходом от одноместной семантической системы (др.-русс. *Он молитвова*) к двухместной (русс. *Он читал, произносил молитвы*) [19, 26—27]. Разумеется, формирование аналитических речений способствует расширению номинативных средств языка, т. к. позволяет более дифференцированно и тонко обозначать экстралингвистические явления. Общая масса таких речений в языке возрастает, поскольку людям современного общества приходится выполнять более разнообразные действия, чем их предкам, жившим 700—900 лет тому назад. Однако, сравнивая переводы и подлинники, мы остаемся в пределах одного и того же поэтического поля; совокупность означаемых и переход от одних средств выражения к другим здесь не связывается с потребностью расширить номинативные возможности языка. В этом и состоит интерес этих данных.

Неполная номинализация. Довольно часто причастной форме древнерусского языка соответствует в тексте личная форма глагола в переводе. Особенно это характерно при замене дательного самостоятельного придаточным предложением: Князю Святославу *възрастѣши и възмужавши*, нача вои совокупляти многи и храбры (И., 48) «Когда Святослав вырос и возмужал, стал он собирать много воинов храбрых». Сказуемому придаточного в современном тексте в древнем могут нередко соответствовать менее глагольные формы: деепричастие, причастие, субстантивированное причастие: Куда же *ходяще путем* по своим землям (К., 56) «Куда бы вы ни держали путь»; Да *приходячи* русь слюбное емлют, елико *хотячи* (К., 106) «Когда приходят русские, то пусть берут содержание для послов, сколько *хотят*» (три личных формы в современном высказывании и только одна — в древнерусском); И повѣдаша ему *вся бывшая* (И., 54) «И поведали ему, как было». Конечно, такие соотношения далеко не являются правилом, но они свидетельствуют о том, что номинализация средств обозначения отнюдь не однонаправленный процесс.

Полная синтетическая номинализация. Она имеет место в разных синтаксических позициях, причем здесь трудно установить единую тенденцию. Рассмотрим соответствие «глагол (личная форма, неличные формы) — имя»: а) древнерусский текст — глагол, современный текст — имя: *Идучи* ми семо (И., 30) «На пути своем сюда»; *Показуа* побѣду (И., 38) «В знак победы»; *Рекущи* сице (И., 40) «С такими словами»; Яко *гънаста* путь многъ (И., 96) «После долгого преследования»; И ту умыкаху жены собе, с неюже кто *сѣвещашеся* (К., 46) «Умыкали себе жен по сговору с ними»; б) древнерусский текст — имя, современный текст — глагол: *Имянемъ* Полота (И., 28) «Имянется Полота»; И по *приключаю...* (И., 30) «И случилось так, что...»; В *перегъбѣхъ* (И., 42) «Избоченившись»; Волею и неволею стати противу (И., 52) «Хотим мы или не хотим, должны сражаться»; Исходити... на *игры* (И., 94) «Пойти поиграть»; Проскурѣнааго ради *непечения* (И., 96) «Ибо некому печь просфоры»; Мати убо, не *търпящи* сына своего въ такой *укоризнѣ* суца (И., 96) «Мать и сама не смогла смириться с тем, что все укоряют ее сына»; И *срамословье* в них пред отьци и пред снохами (К., 46) «И срамословили при отцах и при снохах».

Аналитическая номинализация. Процесс в этом случае получает расчлененное выражение, состоящее из глагола, передающего процесс в общей форме (*сътворити, деяти*) либо его залоговые или видовые характеристики (*дати, начати*), и имени, которое и является лексическим обозначением самого действия. При этом для номинации действия используется не только имя действия, но — метонимически — и имя деятеля, название орудия, средства, результата, места действия. Анализ текстов и переводов обнаруживает различные соответствия: а) древнерусский текст — глагол, современный текст — аналитическое сочетание: *Насилъше* (И., 40) «Творили насилье»; *Сѣдумавше* (И., 40) «Держали со-

вет», *Распали* суть Деревьску землю (И., 40) «*Ввели порядок* в Деревской земле»; *Вы почтити* (И., 40) «*Воздать* вам честь»; *Заповѣда ей* (И., 46) «*Дал ей заповѣдь*»; *Любити* (И., 54) «*Выражать любовь*»; *Поприай ми* (И., 58) «*Будь мне другом*»; *Поруганъ бысть* (И., 98) «*Поругания перенес*»; И *поидоша* против (К, 145) «*И пошли походом* против»; б) древнерусский текст — аналитическое сочетание, современный текст — глагол: *Ту животъ свой сконча* (И., 32) «*Тут и умер*»; И много убийства *сотвори* около града грекомъ (И., 36) «*И много греков убил в окрестностях города*»; *Бѣ бо устроено со отравою* (И., 36) «*Так как оно (вино. — Г. В.) было отравлено*»; А въ хрестянехъ того *нестъ закона* (И., 48) «*А у христиан не разрешается это*»; *Войны многи творяше* (И., 48) «*Много воевал*»; *Бѣ бо лови дѣя Олегъ* (И., 56) «*Так как и сам он охотился там же*»; *Укоризну себе... твориши* (И., 94) «*Он себя срамит*»; *Облеиши въ одежу чисту* (И., 92) «*Одеться почище*»; *Възлзжи на нозѣ его желѣза* (И., 96) «*Сковала ноги ему*»; Се бо токмо словенскъ *язык* в руси К., 44) «*По-славянски же говорят на Руси*». Еще несколько примеров: *Ярость* свою въздвиге (К., 120) «*Разгневался*»; *Дави вину* (И., 230) «*Наставь*»; *Сотвориши брань* (К., 143) «*Сразиться*»; *Скончавше царство* (И., 226) «*Царствовала*»; *Теорать куплю* (К, 107) «*Торгуют*» и т. п.

Исследователи отмечают употребительность аналитических речений в древнерусском языке [20, с. 73]. Вместе с тем приведенные примеры достаточно явно свидетельствуют о том, что переход от однесместной предикативной структуры к двухместной отнюдь не может считаться ведущей тенденцией развития языка. Нет большого количественного расхождения в употреблении аналитизмов при переходе от одного этапа развития языка к другому. Обращает на себя внимание структурное разнообразие аналитических речений, в которых номинализируется глагольная семантика. В древних текстах отмечаются сочетания «глагол + прямое дополнение» (*убийства сотворити*), предложные сочетания (*устроено со отравою* «отравлено»). Особый интерес представляют собой предикативные сочетания типа *нѣстъ закона* «не дозволяется»: такие сочетания, где соотносящееся с глаголом имя выполняет функцию подлежащего, широко используются в современном русском языке (*дождит — дождь идет*), особенно в разговорной речи (ср. *приказ вышел ему — ему приказали; на ней стыда нет — она не стыдится* и т. п.). Подобные субъектно-предикативные аналитизмы могут служить способом устранения конкретного субъекта, они равнозначны безличным или неопределенно-личным предложениям: ср. *бо словенскъ языкъ «по-славянски же говорятъ, въ такой укоризнѣ суща* «(все) *укоряют* (ее сына)». Формирование аналитических речений — общеязыковая универсалия. Их распространенность в древнерусском языке, их чрезвычайная употребительность и в современной разговорной речи, замена в истории языка не только глагола аналитизмами, но и аналитизмов глаголом подтверждают, что их возникновение — результат самобытного развития языка, а не иноязычных литературных влияний.

В древних текстах нередко встречаются сочетания «глагол + прилагательное», соответствующее одному глаголу в современном тексте: *Искусивъ и любезнивъ ли естъ злату* (И., 52) «*любит ли он золото*»; *Вскую печална еси* (И., 146) «*Зачем печалишься*». Характерны сочетания глагола *быти* с причастием, выражающие длительное состояние: *быть лежащим* «лежать», *быть сидящим* «сидеть»; *Бе бо тогда вода текущи въздоле горы Киевския* (К., 109) «*Ибо вода тогда текла возле Киевской горы*».

Именному сказуемому современного языка в древнем тексте может соответствовать глагольно-именное сочетание, что свидетельствует о более номинализованном характере используемого обозначения; при этом состояние выражается глаголом *иметь*, приобретение признака — глаголами *получить, принять*: *Поляне бо...имуть...стыдѣнье к снохам своим* (К., 46) «*Поляне стыдливы перед снохами своими*»; *А зла жена... в богатствѣ гордость приемень* (И., 232) «*А злая жена в богатстве гордой становится*».

Разумеется, вопрос нуждается в более глубоком исследовании, но возможно, что, наряду с номинализацией, в эволюции номинативных

средств русского языка имела место и вербализация — использование глаголов не только действий, но состояний и качеств.

О р и е н т а ц и я в ы с к а з ы в а н и я и д и а т е з а. Важной типологической чертой построения высказывания при номинации некоторого события является ориентация структуры предложения. При совпадении реального носителя действия с ремой обозначающее его подлежащее должно занимать место после глагола, в связи с чем образуется центростремительная ориентация высказывания, которая грамматически может осуществляться с помощью следующих трех средств: позиционного — простой перестановки слов (*Феодосия наказывала мать*), морфологического — с помощью пассива (*Феодосий был наказан матерью*), лексического — с помощью глаголов центростремительной ориентации типа *получать, терпеть* и т. п. (*Феодосий получил наказание от матери*). В современном русском языке основным средством переориентации предложения является изменение порядка слов. В таких языках, как английский и французский, относительно чаще эта цель достигается использованием пассива или центростремительных глаголов, что обычно объясняют жестким порядком слов в данных языках. В древнерусском языке порядок слов был относительно свободен, но в рассмотренном материале встретилось несколько случаев, когда древнерусский пассив или центростремительные глаголы заменяются при переводе активными оборотами с инверсией подлежащего: а) пассив: *Быша обидимы древляни* (И., 32) «*Стали притеснять* (полян. — Г. В.) древляне»; *Си вси звахуться от грекъ Великая Скуфь* (И., 36) «*Этих всех называли греки Великая Скифь*»; *То все покорено было Богом крестияньскому языку* (К., 59) «*То все покорил бог народу христианскому*»; б) центростремительные глаголы: *Яко велику честь приялъ от царя* (И., 32) «*Великие почести воздал ему... тот царь*»; *Олеъ же приим въ умъ* (И., 38) «*Запали слова эти в душу Олегу*». При изменении порядка слов подлежащее совпадает с обозначением семантического субъекта, в других конструкциях оно выражает семантический объект или адресат и таким образом используется не в своей первичной функции. Следовательно, в данных примерах мы видим переход от переносного использования конструкций к прямому.

Особый случай диатезы представляет собой «демиактивность» («понижение субъекта») — оформление семантического субъекта в виде косвенного дополнения при выражении аффектов и состояний. Эту древнюю конструкцию историческая типология рассматривает в индоевропейских языках как реликтовую структуру [21, с. 208]. Действительно, нередко таким конструкциям (особенно с инфинитивом) в современном тексте соответствуют активные обороты: *И самому царю возбоится* (К., 149) «*И сам царь устрасился*»; *От чего ми есть умерети?* (К., 107) «*От чего я умру?*». Но встречаются и обратные случаи: *А древляне живяху звериным образом* (К. 46) «*У древлян был звериный обычай*». Это показывает, что и в данной сфере эволюция не была однонаправленной.

Ф о р м ы с в я з и м е ж д у н о м и н а ц и я м и. Способ связи между номинациями — важная типологическая особенность построения речи. Наиболее явно противопоставляются два способа: паратактический и гипотактический. В сфере гипотаксиса различаются аналитические и синтетические средства. Отражая распространенное мнение, Л. Теньер писал: «Как правило, языки вначале выражают сложные мысли в форме паратаксиса и лишь в ходе своего развития они получают способность замечать и выражать гипотактические связи... Например, латинский язык, хотя он и достиг высокого уровня абстракции, тем не менее строит паратактически многие семантические комплексы там, где французский язык фиксирует гипотактические отношения. В этом случае латинский паратаксис приходится переводить французским гипотаксисом» [22, с. 315]. И далее: «Германские языки, такие, как английский и немецкий, или славянские, как русский, ... осмысляют еще иногда паратактически те комплексы, которые во французском языке осмысляются гипотактически». Сплоченность синтаксических форм в «сложных семантических комплексах» имеет ряд степеней: «член предложения — оборот (причастный, деепри-

частный) — придаточное предложение — предложение в составе сложно-сочиненного — отдельное предложение». Если движение литературного языка действительно идет по линии усиления компактности синтаксических связей — от паратаксиста к гипотаксису, как это казалось Тенберу, то мы могли бы ожидать, что сочинению в древних текстах соответствует подчинение в современных, придаточным предложениям или оборотам — члены предложения (что связано и с номинализацией обозначения). Факты, однако, далеко не подтверждают этого предположения. Во-первых, в древнерусском языке были особые компактные гипотактические построения второстепенных членов, которые выпали из структуры языка и которыми в современных текстах функционально соответствуют менее сплоченные формы связи — придаточные предложения. Таковы, например, самостоятельный дательный и двойной винительный: *Пришедшу бо ему с войны хорватский (К., 116) «Когда же возвратился он с хорватской войны»; Печенежи же мнеша князя пришедша (К., 115) «Печенегам же показалось, что пришел сам князь».*

Во-вторых, даже при возможной структурной эквивалентности мы обнаруживаем в современном тексте менее жесткие формы связи, чем в древнем: а) оборот в древнем тексте — придаточное в современном: И едва *отдохнув* от великого того плача (К., 145) «И едва *отдохнул* князь от великого того плача...»; Аще будутъ родилися в мать, то, *возрошши*, мене продадут (И., 234) «Если родились они в мать, то *как подрастут*, меня самого продадут»; б) оборот в древнем тексте — сочиненное предложение (или однородное сказуемое) в современном: И *пославши* Ольга к древляномъ, рече имъ (И., 42) «И *послала* Ольга к древлянам и сказала им...»; Видевше же печенежи, устремишася на нь, *стреляюще* его, и не могоша ему ничтоже створити (К., 115) «Печенеги, видя это, бросились за ним, *стреляли* в него, но не смогли ему что-либо сделать». Выше, в связи с проблемой номинализации, приводились примеры соответствия древнерусскому предложному обороту причастного оборота и придаточного предложения в современном тексте. Вот характерный пример скопления в древнерусской фразе гипотактических оборотов, которым в переводе на современный язык соответствуют придаточные и сочиненные предложения: Доблии, мнится *быти*, и храбръ Александръ Макидонский, яко, все сътворивъ, *посътвающую* ему, *имея* присно къ доброму делу промышлене (И., 237) «Кажется нам, что доблестным и храбрым *был* Александр Македонский, раз во всем *сопутствовала* ему удача, и всегда он *стремился* к славным делам».

Историки русского языка отмечают расширение употребления предложно-падежных конструкций вместо беспредложных, что способствовало уточнению синтаксических связей в предложении [23, с. 343]. Конечно, такая тенденция проявлялась в структуре языка в целом и во многих конкретных конструкциях, но в функциональном плане обнаруживаются случаи, когда древнерусский язык реализует предложный оборот, а современный — синонимический ему беспредложный: И живяху кождо с своим родом и на своих местех (К., 43) «И жили они родом на своих местах»; И удариша в коне (К., 119) «И стегнули коней».

Репрезентация номинаций. В каждом языке имеются свои закономерности местоименной репрезентации имен или глаголов. Так, во французском языке местоимения в тексте используются для замены прямых номинаций значительно чаще, чем в русском, который предпочитает прямые обозначения (имена нарицательные или собственные). Анализ текстов и переводов показывает определенные расхождения в местоименной замене. В современном языке местоимение нередко соответствует отсутствию репрезентации в древнем тексте: И рече ему (И., 50) «А *тот* ответил ему»; Всего же паче убогих не забывайте, но елико могуще по силе кормите (К., 56) «Всего же более убогих не забывайте, но, насколько можете, кормите *их*». С другой стороны, если актант обозначен во фразе, то местоименной репрезентации древнего текста соответствует в современном повтор прямого обозначения: Онъ же рече (И., 50) «*Претич* же ответил»; По *сих* же придоша печенежи (К., 45) «Вслед за

обрами пришли печенеги» (К., 45). Другим параметром местоименной репрезентации является последовательность прямого и местоименного обозначения. Обычно местоимение следует за представляемым им именем, но, например, в английском или французском языках в определенных грамматических условиях (в частности, в препозитивном придаточном) местоимение может предшествовать прямому обозначению объекта. В древнерусском тексте последовательность «имя — местоимение» соблюдается менее строго, чем в современном; местоименная антиципация отмечается в препозитивных зависимых комплексах: Ольга же, поимши мало дружины, легко идуши приде къ гробу *его*, и плакася *по мужи своемъ* (И., 42) «Ольга же, взяв с собою малую дружину, отправилась налегке, пришла к могиле *своего мужа* и оплакала *его*».

Сделанные наблюдения показывают существенные расхождения в организации текста на древнерусском и современном русском языке. К известным структурным особенностям двух языковых срезов, не раз подробно описывавшихся в лингвистике, можно добавить некоторые явления, относящиеся к сфере реализации, к употребительности, закономерностям номинации и организации номинаций в высказывании. Более часто употребление гиперонимов, несколько более частая местоименная замена при обозначении объектов, развитость гипотаксиса, достаточно широкое использование номинализированных средств обозначения, обращение к центрирующим конструкциям, довольно широкое употребление глагола *иметь*, менее широкое, но более семантически нагруженное использование глагольных превербов, — вот некоторые явления, отличающие древнерусский текст от перевода на современный язык. Как это ни парадоксально, но по некоторым из этих параметров древнерусский текст стоит несколько ближе к некоторым современным западноевропейским языкам, чем к современному русскому. Так, можно полагать, что тенденция к лексико-семантической конкретизации в русском литературном языке продолжала усиливаться за последнее столетие. В прошлом веке положение в этой сфере было примерно таким же, как в современном французском языке. В этом нетрудно убедиться, прочитав, например, несколько страниц из «Анны Карениной» Л. Толстого. Конечно, нужно исключить стилизацию речи, ту смесь «французского с нижегородским», которая столь характерна для некоторых толстовских персонажей (например, для княгини Бетси Тверской). Но в речи самой Анны, даже в авторском повествовании мы находим следующие примеры использования глагола *делать*: *сделать удовольствие, делать трудности, сделать несчастье, сделать один вопрос* (сочетание *сделать вопрос* повторяется в романе много раз), *сделать пользу, сделать себе врага*. В наше время мы сказали бы: *доставить удовольствие, создавать трудности, принести несчастье, задать вопрос, принести пользу, нажить врага*.

Как можно объяснить изменения в реализации номинативных средств в истории русского языка? Можно предполагать, что поскольку древнерусская литература складывалась под известным влиянием византийско-греческой литературы — непосредственно или через посредство старославянской литературы (24, с. 17—35), — то и складывавшемуся литературному языку были свойственны некоторые тенденции реализации (выбор средств номинации и конструкций), которые в дальнейшем ослабели или совсем исчезли, когда начал формироваться современный литературно-художественный стиль, опиравшийся на внутреннюю народную стихию русского языка. Но эту гипотезу нельзя принять безоговорочно. Далеко не все рассмотренные расхождения можно объяснить появлением или прекращением каких-либо внешних влияний, тем более, что даже вопрос о воздействии греческого языка на славянскую грамматику остается дискуссионным [25, с. 165—168].

Речевая реализация в конечном счете продолжает тенденции, заложенные в системе языка. Поэтому следует связать изменения в отборе средств выражения с изменениями в самой системе языка, в его внутренних исторических процессах. Рассмотрим, в частности, проблему перехода от использования гиперонимов к более широкому употреблению гипо-

нимов. Душой языка, структурным центром предложения является глагол. Именно глагольная система в значительной степени предопределяет структуру предложения, типы связи, даже отбор типов номинаций, особенно глагольных. За столетия, отделяющие рассматриваемые произведения древней литературы от наших дней, в системе русского глагола произошли коренные изменения. Система времен древнерусского глагола удивительно напоминала систему времен, например, современного французского языка. В прошедшем времени аорист, имперфект, перфект и плюсквамперфект во общем параллельны французским формам простого прошедшего, имперфекта, сложного прошедшего и плюсквамперфекта. Так же и в будущем времени в обоих языковых образованиях различаются две формы, одна из которых обозначала будущее предшествующее время. Пусть морфология этих времен была различной: они совпадали в своих основных значениях, образуя сопоставимые системы. Вида, подобного современной грамматической категории в русском языке, в древнерусском языке не было, но существенную роль играли семантические различия между перфективными и неперфективными глаголами, взаимодействовавшие со значением временных форм (в частности, аориста и имперфекта) [19, с. 324—345]. Это взаимодействие значений глагольных времен и лексических значений глаголов в древнерусском языке при выражении видовых значений типологически напоминает аналогичное явление в современных западноевропейских языках. Однако, сколь бы ни были дифференцированы временные формы, они сравнительно мало затрагивают семантику глагола. Картина изменилась, когда ведущей категорией в русском глаголе стал вид. Вид более «семантичен», чем время, он показывает не столько временные соотношения между фактами, сколько способ совершения самого действия. Видовые форманты — превербы — одновременно выступают и как конкретизаторы лексического значения глагола. Поэтому, возможно, становление грамматической категории вида способствовало более широкому употреблению гипонимов — глаголов более конкретного значения. Глаголы-связки *быть* и *иметь*, не имея форм совершенного вида, изменили свои семантические ареалы и функции, их функциональными супплетивами стали глаголы более конкретного значения: *стоять, сидеть, стоять, идти; получить, приобрести* и др. Проблема нуждается в более глубоком изучении, но несомненно, что существенная перестройка в системе русского глагола отразилась на функционировании ряда элементов языка.

Рассмотренные факты показывают, что многие явления неправомерно связывались с идеей прогресса и совершенствования строя языка: такие явления, как номинализация, гиперонимия (абстрактность) лексем, гипотаксис и другие были не в меньшей степени свойственны древней литературной речи, чем современной, а иногда и в большей. Развитие средств выражения в языке не носит во многих случаях одностороннего характера, как внутри отдельного языка, так и в общетипологическом плане. Подобно тому, как внутри одного языка противоположные приемы номинации могут развиваться, затрагивая круг различных лексических единиц, так и в межъязыковом плане язык А может ограничить использование определенного типа номинации, который был употребителен в нем в прошлую эпоху и который продолжает широко использоваться в языке Б.

ЛИТЕРАТУРА

1. Coseriu E. Structure lexicale et enseignement du vocabulaire.— In: *Langues vivantes en Europe*. s. 1., 1967.
2. Coseriu E. Sistema, norma e «parola».— In: *Studi linguistici in onore di V. Pisani*. Brescia, 1969.
3. Coseriu E. Leistung und Grenzen der kontrastiven Grammatik.— In: *Probleme der kontrastiven Grammatik*. Düsseldorf, 1970.
4. Гак В. Г. Категория процесса.— В кн.: Гак В. Г., Ройзенблит Е. Б. Очерки по сопоставительному изучению французского и русского языков. М., 1965.
5. Гак В. Г. Беседы о французском слове. М., 1966.
6. Гак В. Г. Сопоставительная лексикология. М., 1977.

7. *Бородина М. А., Гак В. Г.* К типологии и методике историко-семантических исследований. М., 1979.
8. «Изборник» (Сборник произведений литературы Древней Руси). М., 1969.
9. *Кожин А. Н.* Литературный язык Киевской Руси. М., 1981.
10. *Потебня А. А.* Из записок по русской грамматике. Т. I—II. М., 1958.
11. *Бенвенист Э.* Общая лингвистика. М., 1974.
12. Категория бытия и обладания в языке. М., 1977.
13. *Graur A.* Studii de lingvistică generală. A i și a avea. Bucure ti, 1960.
14. *Meillet A.* Linguistique historique et linguistique générale. Paris, 1926.
15. *Vendryès J.* La comparaison en linguistique.— BSLP, 1946, t. 42, fasc. 1.
16. *Bally Ch.* L'expression de idées de sphère personnelle et de solidarité dans les langues indo-européennes.— In: Festschrift L. Gauchat. Aarau, 1926.
17. *Мейе А.* Введение в изучение индоевропейских языков. М.— Л., 1938.
18. *Никифоров С. Д.* Глагол, его категории и формы в русской письменности второй половины XVII века. М., 1952.
19. *Ломтев Т. П.* Общее и русское языкознание. М., 1976.
20. *Копыленко М. М.* Сочетаемость лексем в русском языке. М., 1973.
21. *Гузман М. М.* Историческая типология и проблема диахронических констант. М., 1981.
22. *Tesnière L.* Eléments de syntaxe structurale. Paris, 1959.
23. *Стеценко А. Н.* Исторический синтаксис русского языка. М., 1972.
24. *Лихачев Д. С.* Развитие русской литературы X—XVII веков. Л., 1973.
25. *Вережагин Е. М.* Из истории возникновения первого литературного языка славян. М., 1971.